

«Слово о полку Игореве» — произведение очень небольшое, но по этому небольшому произведению мы можем судить об огромном богатстве и даже роскоши языка его автора. Автор «Слова» очень точно и метко подбирает слова и выражения.

Соловьиное пение не прекратилось — оно «уснуло»; синие молнии не просто блещут — они «трепещут»; трава не просто полегла — она «никнет» («ничит»). Солнце «меркнет», багряные снопы лучей и вечерние зори «гаснут», месяц «поволакивается тьмою», наступающая ночь «прикрывает свет тьмою» и т. д. Персты не просто кладут на струны — их «воскладывают», и струны «рокочут» славу. Славу можно «расшибить» и «притрепать». Тоска «разливается». Печаль «течет» посреди Русской земли. Веселье «развеивается по ковылю». Ветер не просто помогает плыть кораблям — он их «лелеет на синем море», и Ярославна просит ветер, чтобы он «возлелеял» к ней ее милого мужа, т. е., «лелеючи», помог ему доплыть до Русской земли. Это выражение очень уместно в устах любящей Ярославны, оно как бы исходит из ее тоскующего сердца.

Автор «Слова» очень скуп на эпитеты, но зато употребленные им — поразительно метки: «жемчужная душа», «теплые туманы» («мглы»), «живые струны». Первый эпитет выбран автором не случайно — он связан со всем повествованием о князе Изяславе Васильковиче. Этот князь, в одиночестве умирая на поле

битвы от ран, «изронил» свою «жемчужную» душу через золотое ожерелье (т. е. через расшитый золотом ворот своей княжеской одежды). Перед нами очень сложный образ, в котором эпитет «жемчужная» (о душе Изяслава Васильковича) входит как часть в целое. Эпитет «теплый» (о туманах) наблюдательно передает существенную деталь в бегстве Игоря: туманные ночи теплее ясных, и Донец во время ночлегов Игоря как бы одевал его теплыми туманами, берег его. Струны Бояна «живые» — этим подчеркивается искусство игры Бояна. Эпитет этот согласуется с тем, что о них говорится дальше: они «сами» рокочут славу. Искусная игра всегда производит впечатление полной непосредственности, инструмент как бы оживает в руках мастера.

Богато и разнообразно слуховое восприятие автора «Слова». Струны у него «рокочут». Голоса девиц на Дунае не просто доносятся до Киева, они «выются». Телеги у него не скрипят, а «крячат», как лебеди. Кликом можно даже «перегородить» поля. Слава «звенит», и в славу «звонят».

Зрительная четкость образов «Слова» поразительна. Автор «Слова» обладал повышенным чувством цвета, типичным для эпохи подъема древнерусской живописи. Трава у него — это «зеленая паполома». На «черленые» щиты у него «брешут» лисицы: их раздражает красный цвет. Золотой шлем Всеволода «посвечивает» в битве. Отдельные сцены автор «Слова» видит в красках. Среди до-

бычи — всякого половецкого «узорочья»: золота, поволок, драгих аксамитов, япончиц и кожухов — Игорю достались «чрьлень стягъ, бѣла хорюговь», «чрьлена чолка, сребрено стружие». Надвигающаяся гроза перед битвой описана не менее яркими красками: «Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучи съ моря идутъ... а в них трепещутъ синии мльнии». Зрительно эффектные образы плавающих в красной крови золотых шлемов, зеленой травы на серебряных берегах Донца, жемчужной души, изрошенной через золотое ожерелье, черной земли, политой красной кровью.

Зрительные образы «Слова о полку Игореве» типичны для средневековья. Многие из них напоминают изображение на иконах или на миниатюрах, где представлены по преимуществу церемониальные положения, торжественные ситуации. Ярослав Осмомысл сидит высоко на своем златокованом престоле и занят княжеским делом: судит, управляет войском и княжеством. Всеволоду Суздальскому автор «Слова» предлагает прилететь на свою отчину (ср. изображение летящего на грифах Александра Македонского в Успенском, Дмитриевском соборах и Всеволода Суздальского во Владимире). Князья — Рюрик и Давыд, Ингварь и Всеволод и «все три Мстиславича», Роман и Мстислав, Ярослав Всеволодович Черниговский — постоянно изображаются со своей дружиной, о вооружении которой непременно говорится. В церемониальных положениях изображается Игорь Святославич: он вступает в стремя, ведет войска к Дону, сидит в золотом кресле, а затем в седле кощеевом, торжественно возвращается в Киев. Его брат Всеволод изображен в битве посвечивающим своим золотым шлемом и

поражающим врагов. Враг изображается поверженным перед престолом победителя: Кобяк пал в гриднице Святослава. Побежденные преклоняют головы, вкладывают в ножны поврежденные мечи, склоняют стяги, бросают оружие. Со всем как на миниатюре Радзивилловской летописи¹, изображены окружающие Русь народы — немцы и венецианцы, греки и моравы: они поют славу Святославу и оплакивают князя Игоря. Пение славы и плач по убитым или попавшим в плен — это тоже своеобразные церемониальные положения, в которых изображали обычно людей древнерусские художники. Славу поют въезжающему в Киев Игорю. Ярославна плачет по Игорю на городской стене. Славу поют русские девицы на Дунае и готские красные девы на Черном море. Плачут жены русских воинов. Плачут русские города. В своеобразных церемониальных положениях изображается даже природа: приклоняются в печали трава и деревья (ср. склонившееся дерево на иконе «Троицы» Рублева). Все это зрительные образы, родственные изобразительному искусству и, что особенно важно, изобразительному искусству средневековому, стремящемуся изображать мир как бы «позирующим» зрителю только в строго определенные, церемониальные моменты, когда он больше всего отражает свою «извечную» сущность.

Совершенно поразительна средневековая любовь к оружию. Оружейная терминология «Слова» очень богата. Сабли в «Слове» «гремлют» о шлемы, ими можно «поскепать» оварские шлемы и «потручать» о шлемы. Сабли «припешивают» крылья соколам, они ранят. Сабли каленые и изостренные. Мечи «цветят» Половецкую землю, ими «гремят»

¹ Знаменитая русская Радзивилловская летопись имеет более 600 миниатюр, изображающих различные события русской истории X—XII вв., в том числе и событие похода Игоря Святославича на половцев. Летопись эта пере-

писана с более древнего оригинала в конце XV в. Миниатюры также копировались с более древних оригиналов (см.: Лихачев Д. Русские летописи. М.—Л., 1947, с. 433—437).

и «позванивают» о шлемы, «притрепывают» врагов. Копья «трещат» и «приламываются», «поют» в полете. Стружием можно «доткнуться» до престола. Стрелы бывают «каленные», «острые» и «золоченые». Они «летят». Ими «прыщут» и «сеют» по земле. Ветры «веют» и «мьчат» стрелами. Автор «Слова» обращает внимание на то, где сделано оружие. Мечи у него литовские, сулицы (короткие копья) ляцкие, шлемы литовские и оварские, стрелы «хиновские». Он обращает особое внимание на закалку мечей, сабель и наконечников стрел («калены», «харалужные»). Скупой на сравнения, автор «Слова» часто тем не менее прибегает к сравнениям с оружием: дождь идет «стрелами», «стрелами» же мчатся, «рассушась» по полю, русские. Сердца воинов скованы и закалены, крамола куется.

¹ О красоте соколиной охоты много говорится в «Уряднике сокольников пути царя Алексея Михайловича». В отрывках издан в

Сродни этим военным образам образы, заимствованные из охотничьего быта. Игра на струнном инструменте сравнивается в «Слове» с соколиной охотой на лебедей. Сам Игорь неоднократно называется соколом: и тогда, когда он далеко залетел к морю, и тогда, когда он бежит из плена. С соколами сравниваются и другие русские князья. Два сокола — Олег и Святослав, которым половецкие сабли «припешали» их крыльца (т. е. подрубили часть крыльев, лишили их возможности летать, сделали «пешими»). Роман сравнивается с парящим соколом, стремящимся в азарте охоты одолеть свою добычу.

Художественная наблюдательность автора «Слова» обильно заимствует свои образы из обихода соколиной охоты, служившей в Древней Руси и для удовлетворения эстетических потребностей¹.

кн.: Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 567—572.

